

В начале 90-х годов прошлого века великий критик и мыслитель Вадим Кожинов поставил поэта Евгения Курдакова (1940–2002) в один ряд со столь выдающимися именами, как Николай Рубцов, Николай Гряпкин, Анатолий Передреев.

Однако время наступило такое, что слова Кожинова услышаны не были. И выдающийся поэт Евгений Васильевич Курдаков до сих пор остаётся известным в основном узкому кругу ценителей подлинной поэзии.

Вот, казалось бы, повод посетовать на несправедливость судьбы. Ведь если бы поэт, который родился всего на пять лет позже Николая Рубцова, сумел войти в большую литературу хотя бы на полдесятилетия раньше, масштабы его известности могли быть гораздо большими. А его поэзия, безусловно, заслуживает общенационального признания.

Но сам Евгений Васильевич, как мне кажется, к концу жизни уже понимал, что дело не только и не столько в том, какое количество людей читает и цитирует твои стихи. Куда важнее, чем шумный успех, осознание, что ты выполнил изначальное предназначение.

Об этом говорит такая, например, подробность его биографии. В начале творческого пути Евгений Курдаков, живший тогда в городе Бузулуке, стал одним из организаторов БОМП – Боевого общества молодых поэтов. Это было то самое время, когда «шестидесятники» собирали стадионы «любителей» поэзии. Писать задиристые, ниспровергающие стихи стало на время не только можно, но и модно. Однако то, что прощалось и даже отчасти поощрялось в столицах, не прошло даром в небольшом городке, затеряншемся в Оренбургских степях. Опрошенные мной товарищи и ученики Курдакова не знают точно, почему тот на несколько месяцев попал за решётку. По всей видимости, стукач, внедрённый в ряды БОМП, передал какие-то неосторожные слова (может быть, сильно искажив их смысл) Евгения Васильевича в соответствующие органы. По воспоминаниям поэта Юрия Савченко, в конце жизни, уже получивший определённую известность, Евгений Курдаков собирался включить в одну из книг своей прозы очерк «Сука из Бузулука» о человеке, которого считали виновным в разгроме БОМП.

Но он не стал этого делать, как и не пытался никогда, уже после распада СССР, спекулировать на теме гонений и притеснений со стороны советской власти.

Возможно, начинающий ещё не поэт даже, а стихотворец почувствовал, что история с его недолгим тюремным заключением в Бузулуке – рубежный момент. Знак, что надо не пытаться гоняться за модными «демократическими» веяниями в искусстве, а идти вглубь, к настоящей поэзии, к русской традиции.

По мнению хорошо знавшего Евгения Васильевича поэта Фёдора Черепанова, переезд Курдакова в 1968 году на Рудный Алтай в Усть-Каменогорск был вызван не столько практическими причинами, сколько попыткой начать жизнь заново. И попытка эта удалась.

Курдаков любил говорить о том, что настоящие стихи он начал писать, пережив роковой для ряда великих поэтов рубеж тридцатисемилетия. После разгрома БОМП он долгое время не писал или не показывал никому своих поэтических строк.

Но творческое начало пробивалось буквально во всём, чем он занимался в жизни. Из-за семейных обстоятельств (Евгений с самой ранней юности должен был зарабатывать на хлеб для себя и родных) возможности получить высшее образование не было. В Усть-Каменогорске Курдаков устроился на завод фрезеровщиком. И в этом ремесле довольно быстро достиг профессиональных вершин, получил звание «лучший фрезеровщик Восточного Казахстана».

Очень важной, по словам самого Курдакова, стала для него встреча с театральным художником Владиславом Ядрышниковым. Именно тот обратил его внимание на необходимость творческого осмысления национальных традиций. А к тому же ещё и привил увлечение флористикой и резьбой по дереву. И в этом занятии Курдаков достиг больших успехов. Особенно ему удавались композиции из корней деревьев. В результате при Восточно-Казахстанском областном этнографическом музее возникла экспозиция «Сад корней», в которую вошло свыше ста работ Курдакова. «Сад корней» долгое время был культовым местом для жителей Усть-Каменогорска.

Но все эти занятия, конечно, лишь отчасти утоляли стремление к творческому самовыражению Курдакова. Главная, невидимая никому, работа шла внутри него, чтобы в конце 70-х годов прорваться подлинными стихами. В 1983 году выходит первый поэтический сборник Евгения Курдакова «Сад мой живой». Спустя три года выходит ещё одна книга стихотворений «Мой берег вечный». Поэт оканчивает Высшие литературные курсы в Москве, становится членом Союза писателей СССР. Всего за примерно 20 лет активной литературной деятельности Курдаков стал автором 16 книг стихотворений и прозы.

Главное в его внешне неброской поэзии – умение через простые слова и образы передать сокровенное, тончайшие движения души и мысли.

Переберу любимыми словами
Ещё одной весны случайный свет,
Что вспыхнул мимолётными цветами,
Что вздрогнул, – и его уж больше нет.

Которого уже не наверстает
Ни этот стих, ни будущие сны,
Ведь не весна навеки исчезает,
А сам навек уходишь из весны.

Но был у него и ещё один талант – талант учителя. По воспоминаниям земляков, ему, уже достигшему к середине восьмидесятых годов определённых творческих высот, было тесно в литературном объединении Усть-Каменогорска. Постепенно он создал собственную поэтическую студию, где к пишущим предъявлялись очень высокие требования. Кого-то это пугало, отталкивало, кого-то, наоборот, привлекало. Те, кто оставались, понимали, что соприкасаются с огнюдь не рядовым явлением, что судьба даёт им шанс познать то, до чего сами бы они без Курдакова не дошли или дошли очень нескоро.

«Евгений Курдаков считал, что поэт – это тот человек, который может взять на себя боль своего народа, подобно тому, как в древности шаманы брали на себя болезни родичей. То есть стихотворец, который пишет ради красивых или необычных образов, поэтом считаться не может. Именно такая установка мастера привела к тому, что в студии Евгения Курдакова выросла целая плеяда самобытных подлинных поэтов», – вспоминает Фёдор Черепанов.

В конце 80-х годов прошлого века Курдакова пригласили на работу в литературный журнал «Простор», донныне издающийся в Алма-Ате. К тому моменту у него были хорошие шансы занять важный литературный пост в Казахстане. Но начавшийся развал Советского Союза и рост националистических настроений в казахском обществе не мог не сказаться на его судьбе.

Курдаков прожил в Казахстане более четверти века. Ему, изучавшему творчество многих писателей, был очень близок казахский поэт Абай Кунанбаев. Его переводы Абая знатоки относят к лучшим переводам казахского классика.

В одной из статей об Абае, вышедшей в московском журнале «Книжное обозрение», Курдаков упомянул о том, что в конце жизни великий казах попал в наркотическую зависимость.

«После того, как материал был опубликован, некоторые из алма-атинских писателей-казахов организовали травлю на меня. Теперь вот уже в открытую угрожают. Вот думаю: а не попросить ли мне в матушке-России убежища. Буду первым русским политическим беженцем», – так передаёт слова Евгения Васильевича, произнесённые с горечью во время одной из личных встреч, поэт Юрий Манаков.

Среди знавших Курдакова людей существуют разные мнения по поводу причины его отъезда из Казахстана. В любом случае очевидно, что непросто далось ему решение расстаться с землёй, которая стала родиной его поэзии, красоту которой он воспевал столько раз. При выборе последнего места жительства решающим фактором стала тяга зрелого Курдакова к русским первоисточкам. Так поэт и его семья оказались в Великом Новгороде. В последние годы поэт много занимался семиотикой, писал статьи, в которых пытался разгадать тайну возникновения общечеловеческого праязыка. Эти его исследования – тема особого разговора. Некоторые считают их гениальными прозрениями. Другие – указывают на слабую научную обоснованность, недостаток знаний в лингвистической сфере, приводивший к тому, что поэт иногда «изобретал велосипед». Но главное, что и в этих статьях проступал масштаб его личности, очень русская попытка «пересотворить бытие». Об этой национальной черте он писал в одном из лучших своих, на мой взгляд, стихотворений:

...пустыня внемлет Богу...

М. Ю. Лермонтов

Ни вспомнить, ни понять не удосужась
Накопленное горестной судьбой,
Опять влачим привычный русский ужас,
Тоскуя на земле своей родной.

А там над ней всё тот же Свете ясный,
Всё та ж над нею Божья благодать,
Которых мы в отчаянье напрасном
Почти уже не в силах распознать.

Беспамятство – едва ли оправданье,
И только за одно ему воздашь,
Что в нём сокрыт опять, как назиданье,
Всё тот же богоносный жребий наш, –

Чья суть – не возвращенье на дорогу,
Но – пересотворенье бытия...
И вновь и вновь – «пустыня внемлет Богу», –
Исчезни, бес, – перед тобой дитя.

В 90-е годы, в пору новой русской смуты, Курдаков писал много стихотворений с метельными, пасмурными настроениями. Но безысходное отчаяние никогда не сквозило в его поэзии. Не случайно всё более явственно в ней проступала христианская тема.

Но и тут, как часто бывало в судьбе поэта, не обошлось без парадоксов. До самых последних месяцев жизни Курдаков, написавший, может быть, лучшие стихи о новгородских храмах, не был воцерковлён. По словам Фёдора Черепанова, почувствовав близкий конец, Евгений Васильевич обратился к нему с просьбой помочь подготовиться к Причастию. И в последний момент земной жизни поэт сумел, как и следует христианину, подготовиться к встрече с Богом.

В этом году к восьмидесятилетнему юбилею Союзом писателей России совместно с клубом «Словороссия» был проведён Международный поэтический конкурс имени Е. В. Курдакова «Купина неопалимая».

Десятилетием раньше в Усть-Каменогорске открыли памятную доску на доме, где он жил. Существует музей-библиотека имени поэта в Старой Руссе. Но верится, что главное признание Евгения Васильевича Курдакова ещё впереди.